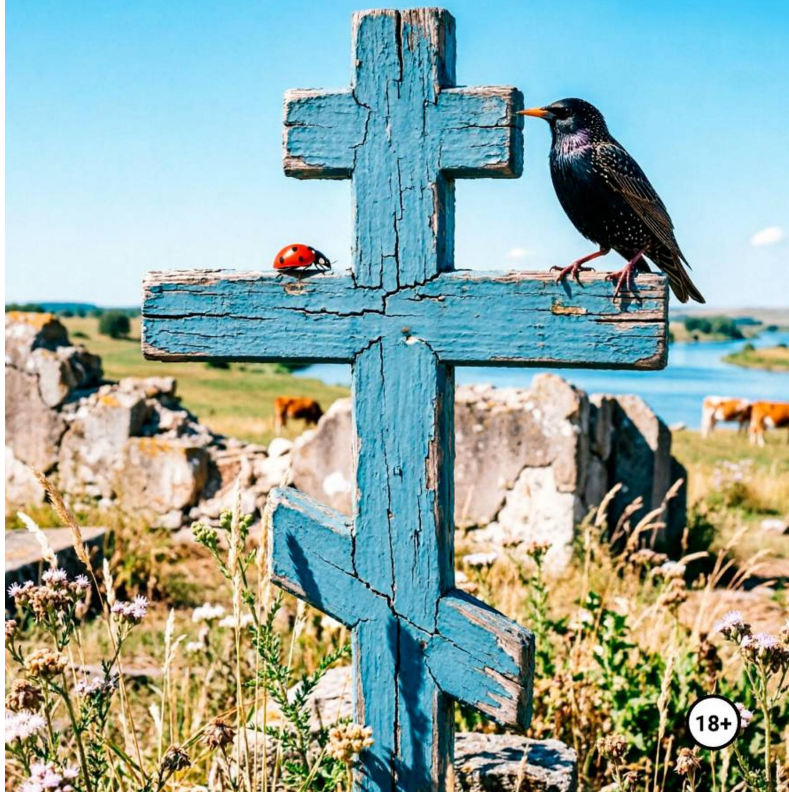

Иван Вперёд 1991

18+

Иван Вперёд 1991

<https://litres.ru/73815399>

SelfPub; 2026

Аннотация

Четыре истории — четыре среза эпохи, когда рушилась привычная жизнь, а человек пытался удержаться на ногах и не потерять себя.

Иван Вперёд

1991

1991

Иван Вперёд

На Васильевском спуске

Страна рухнула без шума и пыли, а вместе с ней и наше понимание жизни. Никто ничего не понимал. Я ясно понял, что никто ничего не понимает, когда однажды мартовским солнечным днём оказался на Красной площади. Красная площадь всегда красная, красивая, когда на неё ни приди.

Я шёл от мавзолея к Василию Блаженному и слышал браурную музыку. Не 1 Мая, с чего вдруг столько радости? Зашёл за собор и увидел очередной перманентный митинг трудящихся. Тогда эти митинги стали рутиной, вроде посещения магазина или парикмахерской.

Но этот митинг был не обычное сборище орущих людей, а орущих, разделившись на две группы. Разделили их коридором из металлических ограждений, которые обычно ставят в метро, рассекая людской поток перед эскалатором. По этому пустому коридору ходили милиционеры, а за ограждениями стояли плотные толпы людей. Они не скандировали

лозунги — они орали друг другу в лица через пустой коридор, а над их головами в солнечном холодном воздухе весеннего дня развевалось множество флагов, трепеща на ветру с Москвы-реки, и звучала громкая музыка.

Зрелище было сюрреалистичным, но для тех дней это было нормой — противостоянием коммунистов и демократов. Над демократами развевались трёхцветные флаги, как их теперь называют «триколор», а над коммунистами реяли красные знамёна, и, примечательно, было много знамён Российской царской империи, а на весь Васильевский спуск гремело: «И Ленин такой молодой, и юный Октябрь впереди!»

Были вперемешку портреты Ленина, Сталина, императора Николая II, я даже увидел портрет царя Ивана Грозного. Каждое лыко в строку, а что церемониться, главное — демократов одолеть, уж потом начнём разбираться, кто монархист, а кто наследник Ильича. Может, и перестреляем друг друга, но потом, а пока дружно навалимся на гнусного демократа.

В демократическом лагере всё было так же, но другой колорит. Звучали песни «Надежда» и «Мы дети галактики», и кричали демокрассы своим врагам-коммунистам: «Вы коммуняки, создатели ГУЛАГа и голодомора, позор, позор! Ваша власть кончилась! Такое не повторится!»

Всё это я наблюдал, переходя из лагеря в лагерь. Милиция не препятствовала перебежчикам: сейчас ты коммунист, а сейчас демократ, какая разница? Я этими перебежками вос-

пользовался несколько раз, пообтёрся, адаптировался к обстановке, и мне вся эта чехарда начала надоедать.

Оба непримиримых лагеря были самые обычные советские граждане, москвичи, рабочие, ИТР заводов и фабрик. Одеты они все одинаково. На женщинах болоньевые куртки и вязанные мохеровые шапки, на мужчинах такие же болоньевые куртки и кроличьи шапки. Что их привело сюда и разделило, как врагов?

Вдруг из Спасской башни начали выходить люди навстречу митингу. Они шли по пустому, ограждённому коридору. Это были депутаты очередного съезда, они шли после заседания отдыхать в гостиницу «Россия». Они не были просто очередными участниками митинга, стремящимися влиться в бурлящее скопище, они были депутаты, функционеры власти! Они отражали её сущность — показуху: дорогая одежда при отсутствии вкуса и меры. Их лица светились румянцем пасхальных херувимов.

Они шли мимо этих заграждений в сопровождении милиции и улыбались этим толпам, приветственно помахивая рукой, согнув её в локте. Это приветствие доконало меня. Депутаты не понимали, что советское барство «демократического централизма» растворилось в европейской демократии.

Все самые кровожадные ублюдки всех времён и народов, от римских цезарей до большевистских комиссаров, вскидывали в приветствии руку над головой или, вытягивая прямую

руку перед собой, касаясь её перед тем области сердца. Но это потряхивание согнутой ручкой в кашемировом пальто приплюснуло моё сознание к брусчатке. Наследники Горбачёва...

Я развернулся и пошёл в ГУМ. Мне надо было переключиться на нейтральное положение, и решил посмотреть, чем торгует главный магазин страны, когда вся страна сидит на карточках.

ГУМ доконал моё представление о реальности нашего мира. Он уже не был нашим самым большим советским магазином с самыми большими очередями. При Советах страна, приезжая в Москву, в первую очередь шла на Красную площадь посмотреть на мавзолей Ленина с разводом караула и стоять в очередях ГУМа. Это было свято для каждого советского жителя, чтобы потом, приехав в свой Урюпинск, сказать: «Я была на Красной площади, видела развод караула и купила вот эту кофточку в ГУМе.» Ничто не меняется в этом мире: при царе хвастались Римом, Парижем и Берлином, при Советах — Красной площадью и рубашкой из ГУМа, теперь — Мальдивами и Карибами. В «супермаркете» СССР я впервые увидел злобный оскал рычащего пса потребления капитализма, которого вот-вот спустят с цепи на все эти митинги в болоньевых куртках и мохеровых шапках, этих лоснящихся депутатов и совковых милиционеров — всех, кто ронял страну на спину, чтобы Цербер капитала мог беспрепятственно рвать её живое мясо, пьянея от крови,

пока она ещё судорожно машет в воздухе плакатами, флагами и шахтёрскими касками. Был ли ГУМ первой конурой этой неприручаемой цепной псины потребления, не знаю, но такое в нашей стране я увидел впервые. Потрясение от того, что всё это происходило в трёхстах метрах друг от друга, окончательно заставило делать выбор, и на «нейтралке» тут не выехать. Это были люди разных миров — одни, обвинявшие друг друга в крушении страны, но одетые в униформу советского человека; другие уже жившие в реальности бутиков Нью-Йорка и Парижа, вышагивая в итальянских туфлях и лабутенах. Это были заморские бутики. В них заходили дамы, также неведомые мне доселе, они были с бронзовым загаром горнолыжных курортов, с невиданным макияжем и космическим шлейфом парфюма. Все они были одеты в длиннополые шубы в пол из рыжей лисы, выдры и норки. Их сопровождали мужчины им под стать в смокингах с бриолиновыми причёсками лордов 30-х годов. Я подошёл к зеркалу, увидел себя не в зелёной советской болоньевой куртке и лыжной шапке, а крестьянином в онучах и лаптях, в униженном поклоне, протягивающим ладонь за пятаком из холёной барской руки, и понял: я не сюда попал. С этой минуты я буду по разные стороны баррикад с этими господами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.